

Научная статья

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI 10.17223/18137083/79/9

**«Я весь – порыв, я весь – исканье...»:
«томский период» в жизни и творчестве Г. А. Вяткина**

**Наталья Вениаминовна Жилиякова¹
Ирина Васильевна Герасимчук²**

^{1,2} Томский государственный университет
Томск, Россия

¹ retama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9406-2664>

² irakrendel@gmail.com

Аннотация

Рассматриваются основные направления творческой деятельности Г. А. Вяткина в период его жизни, связанный с Томском. Выявляются особенности поэтической, литературно-критической, беллетристической и публицистической работы литератора. Делается вывод о том, что сотрудничество Вяткина с органами периодической печати обусловило специфику его поэтических и прозаических произведений, таких как небольшой объем, связь с информационной повесткой дня, акцент на социальной жизни. Проведенный анализ «томского периода» творчества Вяткина дает представление о его росте, освоении разных сфер литературы и публицистики, расширении спектра методов и приемов. Работа в периодических изданиях Томска – и прежде всего в газете «Сибирская жизнь» – позволила Вяткину «примерить на себя» роли рецензента, репортера, фельетониста, публициста, обозревателя – и одновременно поэта и беллетриста.

Ключевые слова

сибирская журналистика и литература, Г. А. Вяткин, поэзия, проза, публицистика

Для цитирования

Жилиякова Н. В., Герасимчук И. В. «Я весь – порыв, я весь – исканье...»: «томский период» в жизни и творчестве Г. А. Вяткина // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 118–131. DOI 10.17223/18137083/79/9

© Жилиякова Н. В., Герасимчук И. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 118–131

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 118–131

“I am all impulse, I am all seeking...”: “Tomsk period” in the life and work of G. A. Vyatkin

Natalia V. Zhilyakova¹, Irina V. Gerasimchuk²

^{1,2} Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

¹ retama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9406-2664>

² irakrendel@gmail.com

Abstract

This study aimed to identify the features of the “Tomsk period” of the work of G. A. Vyatkin and define the main directions of his literary activity. Publications in the Tomsk pre-revolutionary periodical press were analyzed, with the information from research papers generalized and systematized. Vyatkin is known to have lived in Tomsk from 1893 to 1915. He collaborated with many periodicals in Tomsk and Siberia, published his works in the capital magazines, and was personally acquainted with prominent contemporaries – I. A. Bunin, A. M. Gorky, and A. N. Tolstoy. Vyatkin was most in demand as a poet. He published several poetry collections, with some works “tested” on the pages of newspapers and magazines. The poet tried his hand not only in poetry: in 1902, he was invited as a permanent reviewer to the magazine “Sibirskiy nablyudatel” (“Siberian Observer”). Vyatkin successfully combined his poetic and literary criticism with fictional and journalistic work in Tomsk and Russian newspapers and magazines. Numerous essays, stories, and etudes by Vyatkin were interspersed with travel notes, press reviews, articles on a political theme, and feuilletons. The analysis of the “Tomsk period” of Vyatkin’s creativity gives an idea of his growth, the development of various spheres of literature and journalism, and the expansion of the range of methods and techniques. The combination of journalistic and literary activities was reflected in Vyatkin’s texts, with many of them being the responses to the actual events of the author’s personal life and the socio-political situation of Russia and Siberia.

Keywords

Siberian journalism and literature, G. A. Vyatkin, poetry, prose, journalism

For citation

Zhilyakova N. V., Gerasimchuk I. V. “I am all impulse, I am all seeking...”: “Tomsk period” in the life and work of G. A. Vyatkin. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 118–131. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/9

Одной из главных особенностей известного сибирского поэта и писателя Георгия Андреевича Вяткина можно назвать разносторонность его таланта, проявившуюся в литературной сфере. Он предстал перед читателями и как тонкий лирик, воспевающий сферу чувств, и как строгий литературный критик, уверенно «расставляющий по местам» современных ему литераторов, и как зоркий репортер, видящий и «краски факта», и событийную канву и умеющий вызвать «эффект присутствия». Но богатое литературное и публицистическое наследие Вяткина до сих пор глубоко не изучено, и не в последнюю очередь потому, что вплоть до 1960-х гг. имя его было под запретом: он был расстрелян в 1938 г. и только в 1956-м реабилитирован. В начале XX в., в 2005–2006 гг. в Омске вышло первое 5-томное собрание сочинений Г. А. Вяткина, художественные и публицистические работы стали предметом научного осмысления исследователей (см., например: [Бурлешин, 2007; Горенинцева, 2010; Петрова, 1999; Серягина, 2017; Спиридонова, 2014; Цырульникова, 1997; Шишкин, 2003; Яковенко, 2007], и др.).

Цель настоящей работы – выявление особенностей «томского периода» творчества Г. А. Вяткина и определение основных направлений его литературной деятельности. Для достижения этой цели были проанализированы публикации в томской дореволюционной периодической печати, обобщены и систематизированы сведения, представленные в научно-исследовательских работах.

Георгий Андреевич Вяткин родился в Омске в 1885 г., в Томск вместе с семьей приехал в 1893 г. Здесь он окончил учительскую семинарию и прожил до 1915 г., при этом ездил по Сибири, был в Европейской России, учился в Казанском учительском институте, но все-таки всегда возвращался в Томск. Именно с Томском оказалось связано становление Вяткина как литератора и журналиста, здесь расцвел его талант.

Жизненный путь и творческая биография Вяткина освещены во многих работах и энциклопедических статьях (см.: [Зубарев, 2011; Колесникова, 2004; Посадсков, 2010; Сердюк, 1991; Трушкин, 1989; Вяткин Георгий Андреевич, 2010]), из которых можно узнать, что он сотрудничал со многими периодическими изданиями Томска («Сибирская жизнь», «Молодая Сибирь», «Сибирский наблюдатель» и мн. др.), Сибири («Сибирские огни», «Рабочий путь» и др.), публиковался в столичных журналах («Вестник Европы», «Русское богатство», «Нива» и др.); был лично знаком с выдающимися современниками – И. А. Буниным, А. М. Горьким, А. И. Куприным, А. Н. Толстым; в 1912 г. стал лауреатом премии имени Н. В. Гоголя на Всероссийском литературном конкурсе. Вяткин был хорошо известен сибирским читателям, сегодня его называют «основоположником сибирской литературы», хотя при жизни его творческие опыты не всегда получали положительную оценку у критиков и рецензентов – как сибирских, так и столичных.

Поэтическое наследие

Вяткин более всего был известен читателям как поэт, и Томск стал городом, в котором было опубликовано его первое стихотворение: «Не грусти, утомленный страданьем...». Оно появилось в январе 1900 г. на страницах газеты «Сибирская жизнь», Вяткину было тогда 14 лет. Уже в этом произведении отразились два основных мотива поэзии начинающего поэта, которые затем довольно часто встречались в его стихотворениях: с одной стороны, это оплакивание «напрасных желаний» и «несбывшейся пылкой мечты», с другой – неприятие «утомления страданием», призыв к борьбе, к преодолению себя и жизненных преград. Вяткин призывал помогать «страдающим братьям», несчастным, которых «на свете так много»:

Так иди же, иди к ним смелее
С делом истинной, братской любви,
Ободри всех страдальцев скорее
И надеждой их дух оживи!
(СЖ, 1900, № 6).

Этот народнический пафос сохранялся в произведениях Вяткина довольно долго: в его сборнике «Стихотворения» (1907) также нередко встречаются призывы к борьбе, к преклонению перед «павшими в тяжком бою»:

Нас много, нас много... Так будем смелее
Бороться и дерзостней мстить.

– И боги не смогут огонь Прометея

В горячих сердцах погасить...

[Вяткин, 1907, с. 22].

Часть стихотворений («Кресты», «Скорбь», «Яд» (из неоконченной поэмы «Погром»), «Детство» и др.) носили остросоциальный характер, отражая тяжелую жизнь народа, были наполнены горечью от невозможности изменить ситуацию в обществе.

Однако уже в этом первом сборнике стихотворений Вяткина проявились и его черты лирика, исследователя тонких душевных состояний, поэта, воспевающего красоту, любовь, счастье, но глубоко опечаленного тем, что он не находит своего идеала в окружающей жизни:

Я грущу о солнце жизни, – я грущу о Красоте.

Я глубоко, страстно верен расцветающей мечте

[Там же, с. 44].

Сибирских мотивов среди первых стихотворений Вяткина было не очень много; в первом сборнике можно отметить только стихотворение «Из северных элегий», в котором Сибирь предстает заснеженной страной молчания и тишины:

Молчанье... тишина... Снег падает победно...

Грустит немая даль, грустят поля, леса...

И в темной ризе туч, безжизненны и бледны,

Грустят о солнце небеса...

[Там же, с. 46].

Через два года Вяткин выпустил второй сборник стихотворений под названием «Грезы Севера» [Вяткин, 1909], который представлял собой отредактированный вариант первого сборника: некоторые произведения были убраны, более 30 новых стихотворений добавлены. Как и в первом сборнике, материал был разделен на две части: «Родина» и «Сны и настроения», но на этот раз второй раздел увеличился почти в два раза. В новом сборнике была усилена лирическая часть; в поисках новых образов автор обращался к природе (стихотворения «Хризантемы», «Облака», «Ты так любишь цветы полевые»), черпал вдохновение в любви к женщине («Еще темнела даль...», «Первая любовь», «Хорошо, хорошо – любоваться глазами твоими...»), вновь повторял мысль о том, что в природе человека неистребимо стремление к красоте и поэзии:

В море унынья и пошлости,

В буднях страданья безбрежного

Все мы – искатели жемчуга,

Чистого, светлого, нежного

[Там же, с. 45].

Несмотря на то, что в названии сборника – «Грезы Севера» – Вяткин акцентировал внимание на его сибирской специфике, тема Сибири в стихотворениях практически не звучала.

На последней странице сборника Вяткин подчеркивал: «Собранные в этой книге стихотворения были в свое время напечатаны, главным образом, в следующих изданиях: “Сибирский вестник”, “Сибирская жизнь”, “Сибирские отголоски”, “Нива”, “Русская мысль”, “Русское богатство” и “Журнал для всех (Трудовой путь)”» [Там же, с. 86]. Это замечание объясняет определенную специфику стихо-

творений: поскольку они готовились для публикации в периодических изданиях, практически все были небольшого объема и нередко связаны с событийными поводами. Выбор стихотворений был связан со стремлением автора отразить жизнь, наполненную не только горем и страданием, но и любовью, красотой, поэзией.

Третий сборник стихотворений Вяткина «Под северным солнцем», изданный в Томске в 1912 г. [Вяткин, 1912], представлял собой значительно переработанный, но в основе своей всё тот же первый авторский стихотворный сборник, по-прежнему состоящий из двух основных разделов. Первый раздел – «Родине», как и в первых двух выпусках, открывался стихотворением «Жизнь»:

Горит и блещет Жизнь. С стремлением безбрежным,
Могучая, как вихрь, бесстрашна и сильна,
Несется и горит. Ее огнем мятежным,
Как солнцем радостным, вся даль озарена
[Там же, с. 5].

Провозглашающий неизбежное наступление «свободного, юного мира», жрецы которого уже здесь («под тяжестью борьбы лишь крепнут силы их»), текст этого стихотворения придавал всему сборнику оптимистичный тон, несмотря на то, что далеко не все произведения Вяткина были полны жизнеутверждающего пафоса. Вообще, первый раздел был значительно сокращен: в нем осталось только 11 стихотворений (в первом сборнике было 27), второй же (теперь он назывался «Из книги настроений») составлял большую часть сборника.

В сборник «Под северным солнцем» вошло довольно много материалов предыдущих выпусков, но он имел свою собственную тональность: в нем продолжался отход от социальной тематики в сферу чувств, настроений, размышлений о Боге. В целом третий сборник показал рост молодого автора, его готовность осваивать новые тематические сферы, умение выстраивать концептуальную картину мира, привлекательную для читателя.

Стихотворения, вошедшие в состав сборников, проходили «апробацию» на страницах газет и журналов, и это давало Вяткину доступ к массовой аудитории, которую он вряд ли смог бы охватить тиражом отдельных изданий. Благодаря периодической печати он стал известен и популярен в городе и в Сибири. Естественно, Вяткиным было написано значительно больше стихотворений, чем было отобрано для публикации их отдельными книгами.

Исследователи также обращают внимание на работу Вяткина как переводчика, в первую очередь немецкой поэзии [Серягина, 2017]. Эти переводы также публиковались на страницах периодики, и изучение их раскрывает отдельную грань таланта сибирского литератора.

Молодой поэт пробовал свои силы не только в сфере поэзии: он писал для газет и журналов рассказы, репортажи, очерки, а в 1902 г. был приглашен в качестве постоянного рецензента в журнал В. А. Долгорукова «Сибирский наблюдатель» (подробнее см.: [Яковенко, 2007]).

Вяткин как литературный и художественный критик

Рецензии и аннотации Вяткина в «Сибирском наблюдателе» невелики по объему, но даже в таком лаконичном формате критик отмечал главные достоинства рецензируемого произведения, обращал внимание на оформление издания и оценивал его соответствие той потенциальной аудитории, на которую было рассчи-

тано произведение. А. В. Яковенко отмечал, что «одними из лучших литературно-критических публикаций Г. А. Вяткина периода работы в “Сибирском наблюдателе” считаются статьи о пьесе М. Горького “На дне” и рассказах Л. Н. Андреева. Как и большинство сибирских авторов в начале XX в., Г. А. Вяткин резко выступал против декадентства в литературе. Впоследствии он отмечал в произведениях русских символистов и много положительного, особенно в поэзии К. Бальмонта, французских символистов» [Яковенко, 2007, с. 87].

В 1906–1910 гг. Вяткин выступал в качестве литературного критика на страницах «Сибирской жизни»: он писал статьи, очерки, фельетоны на литературные темы, обращался к творчеству Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. Горького и др. Кроме этого, Вяткин знакомил сибиряков с новинками западноевропейской литературы – произведениями Б. Келлермана (СЖ, 1910, № 219), Г. Гессе (СЖ, 1912, № 123), обращал внимание на приезд в Московский художественный театр «норвежского гения» – Кнута Гамсуна (СЖ, 1911, № 18) (подробнее о влиянии К. Гамсуна на сибирских писателей см.: [Капинос, Лошилов, 2020]).

В 1908 г. Вяткин написал цикл очерков под названием «Литература и жизнь» (СЖ, 1908, № 40, 46, 52) и непосредственно примыкающее к ним письмо из Москвы «Сибиряк у декадентов» (СЖ, 1908, № 104), которые являются ключевыми для понимания того, как критик представлял себе современный литературный процесс. Особенно важным для него являлся вопрос о модернизме. Вяткин призывал читателей к осторожности в суждениях и в целом приветствовал появление таких литературных новинок, которые вызывают «жаркие споры» и «серьезные дебаты», «рефераты об Андрееве, об Арцыбашеве, о модернистах и реалистах, о молодой поэзии, о стилизации и воскрешении литературной старины и о многом другом» (СЖ, 1908, № 40).

Характеризуя современную русскую беллетристику, Вяткин четко выделял два направления. С одной стороны, это «символисты и модернисты», которые на страницах своих журналов «Перевал», «Весь», «Золотое руно» провозглашают лозунг «Быт умер. И реализму – конец». Их противники – «реалисты», группирующиеся вокруг журналов «Русское богатство», «Современный мир», «Товарищ». Их лозунг, писал Вяткин, «Быт жив. И да здравствует здоровый реализм!» (СЖ, 1908, № 46).

Охарактеризовав эти противоборствующие литературные группировки, Вяткин обращал внимание читателей на существование двух опасных тенденций: это «тенденциозно-гражданская литература» и «утонченно-порнографическая литература». Первая опасность, считал Вяткин, возникает, когда «безусловно прекрасная и высоко-благородная задача», а именно «служение общественно-политическим интересам», приводит к поглощению художественной стороны «тенденцией»:

Такая литература уже лишена своих живых соков, она уже превращается в протокольную запись политической действительности, в граммофонную пластинку, агитирующую за Маркса и Бебеля или за Лаврова и Михайловского (СЖ, 1908, № 46).

Впрочем, автор добавлял, что даже если «гражданская тенденциозность романов, рассказов и стихов» и не приносит пользы искусству, то она и не вредит ему. А вот вторая опасность – «идеализация и проповедь утонченного разврата» – по мнению Георгия Вяткина, «заслуживает самого сурового, самого беспощадного отрицания и смертного приговора». И эта крайность, указывал он, связана именно с модернистами. При всем интересе, который явно испытывал Вяткин

к символизму, многие черты «нового искусства» вызывали в нем отторжение, глубокое неприятие.

Мысли Георгия Вяткина о модернизме, высказанные в очерках, были дополнены в 1908 г. личными впечатлениями журналиста, полученными во время поездки в Москву, где он посетил модернистскую художественную выставку. Описание этой выставки составляет содержание публикации «Сибиряк у декадентов» с подзаголовком «Письмо из Москвы» (СЖ, 1908, № 104).

Во вступлении Вяткин описывал свое появление на выставке следующим образом:

Волею судеб попал я прямо из глухой и некультурной Сибири – в великую столицу, в ее пантеон искусства, на выставку картин новейших французских и русских художников-декадентов, где собрана квинтэссенция последнего слова живописи и ваения (СЖ, 1908, № 104).

Противопоставление «глухой и некультурной» провинции и новейшего столичного искусства здесь носит полемически заостренный характер, что становится очевидным из последующего текста: и Сибирь оказывается не такой уж отсталой, и столица – отнюдь не бесспорным «пантеоном».

Вяткин последовательно описывал выставку под названием «Салон “Золотого Руна”». В первом зале было представлено новейшее французское искусство; Вяткин критически отозвался об увиденном: он характеризовал полотна иностранных художников как «обилие кричащих красок, странное сочетание тонов, неестественные, нелепо-уродливые лица и фигуры» (СЖ, 1908, № 104). Описание зала русской живописи Вяткин сопровождал следующим замечанием:

Кое-как примирившись со странностями французской новейшей живописи, вы переходите к русскому отделу, в надежде найти хоть здесь что-нибудь более понятное, более близкое к любимым вами Айвазовскому, Репину, Левитану... (СЖ, 1908, № 104).

Естественно, что человек с такими «классическими пристрастиями» испытал громадное разочарование от русских модернистов. Картины Кнобе, Шитова, Сарьяна, Ларионова подробно описываются сибирским журналистом. Он критикует композицию, цветовые решения, концепцию произведений и в результате делает следующий вывод:

...или мы, простые, немудрящие интеллигенты, мы, поклонники Рафаэля и Мурильо, Дорэ и Баллестриери, Брюллова и Репина, Левитана и Айвазовского, – или мы ничего не понимаем в истинном искусстве, или слишком отстали от новых течений... или новейшая живопись – крикливая чернуха, если не в целом, то в значительной доле (СЖ, 1908, № 104).

Таким образом, Вяткин подводил читателя к мысли о том, что «сибиряк у декадентов» выступает носителем классической традиции, знатоком и ценителем истинного искусства. В оппозиции оказываются не «столица» и «провинция», а «классика» и «новое искусство». Публицистические выступления Вяткина утверждали превосходство реалистического направления во всех сферах искусства – в прозе, поэзии и живописи. При явном интересе к модернизму сибирский журналист в целом оценивал это явление как «худосочное», «болезненное», «истеричное», подражательное, пошлое, бездарное и даже «опасное». Выделяя отдельных талантливых представителей модернизма – Леонида Андреева, Баль-

монта, Брюсова, Блока, Сологуба, – тем не менее, Георгий Вяткин не видел перспективы развития этого художественного направления. В этом отношении он выражал позицию всей «Сибирской жизни», поскольку остальные публикации подтверждали и развивали высказанные Вяткиным идеи о неуместности, гротескности модернизма в провинции.

Беллетристика и журналистика в творчестве Вяткина

Поэтическую и литературно-критическую деятельность Вяткин успешно сочетал с беллетристической и журналистской работой в томских и российских газетах и журналах. Многочисленные очерки, рассказы, этюды Вяткина перемежались путевыми заметками, обзорами печати, статьями на политическую тему, фельетонами.

Художественные произведения Вяткина, как и большинство его поэтических работ, были «вписаны» в ограниченное по размерам газетное пространство, поэтому они небольшого объема, нередко имеют публицистический оттенок. Часто Вяткин давал им подзаголовок «эюд», «миниатюра», «картинка». Героями этих произведений становились, как правило, люди из интеллигентной среды – студенты, учащаяся молодежь, художники, юные работающие девушки, молодые матери, которые пытались выжить в суровом жестоком мире, найти свою любовь, отстаивать идеалы. Характерным примером может служить рассказ «Вечерние огни» (эскиз). Повествование, которое ведется от первого лица, посвящено встрече героя с любимой девушкой. Она описывается как «маленькая и бледненькая», с «бледной, бескровной улыбкой», тяжело кашляющая – но при этом одушевленная мечтой уехать в Петербург и поступить на курсы, побывать за границей. Автор понимает, что девушке осталось недолго жить, но парадоксальным образом он испытывает по этому поводу не только грусть:

С портрета в бархатной рамке задумчиво улыбается любимое, милое лицо.

Тихо. Тепло. Радостно.

Радость, робкая, молчаливая, вырастает в сердце, как невинно-белый ландыш... Затаенная сдержанная радость жизни... (СЖ, 1907, № 165).

Автор объяснял это чувство радости тем, что он знал: «идет навстречу бури, навстречу смерти, маленькая обреченная девушка с большим и горячим сердцем». Вяткин стремился донести до читателя ощущение, что в самых тяжелых обстоятельствах значение имеют стойкость, устремленность в будущее, желание бороться до конца, и это помогает не утратить веру в жизнь, дает надежду на лучшее.

Эти эстетические установки Вяткина были особенно востребованы в газете во время календарных праздников – на Рождество, на святках, во время пасхальных торжеств. «Сибирская жизнь» готовила к этим датам особенные номера, и практически во всех них публиковались произведения Вяткина. Сюжеты этих пасхальных и рождественских рассказов напоминали читателям о том, что добро и любовь сильнее зла, а согласно христианской традиции – сильнее и самой смерти. Так, в рождественском рассказе 1912 г. «На письменном столе» писатель в юмористическом ключе описывал внезапное «оживление» своих канцелярских принадлежностей: карандаш, чернильница, канцелярский нож обрели голос и смогли рассказать автору о том, какие неудобства они испытывают, живя на его письменном столе. Но важнее всех этих голосов оказался шепот старых писем:

они «говорили о том, что они ближе человеческому сердцу, чем все другие вещи, что они не могут так беспечно болтать, как болтают карандаши и ручки, запонки и шпильки... что их голос в силах остановить время и вернуть если не прошлое, то хоть иллюзию прошлого... И еще о том говорили старые письма, что нет в мире ничего более прекрасного, чем любящее человеческое сердце» (СЖ, 1912, № 286).

Довольно часто миниатюры и зарисовки Вяткина были основаны на его личных впечатлениях, полученных, например, во время поездок. Примером такой зарисовки может служить зарисовка «Море (из крымских впечатлений)», написанная во время пребывания Вяткина в Ялте. В ней автор рассказывал своим читателям о том, как он мечтал о море, читая Майн Рида и Жюль Верна, Гёте и Байрона, Пушкина и Лермонтова. И вот наконец у Вяткина получилось воплотить в жизнь свою мечту увидеть море. Он описывал свои первые впечатления, чувства при виде моря ночного, дневного и свои эмоции при встрече рассвета на море:

Слезы брызнули у меня из глаз. Я опустился на колени на влажный песок, прижался обнаженной головой к земле и благоговейно поцеловал холодный мертвый камень... И тогда три песни слились в одну: песнь волн, песнь зари и песнь моей души, обретшей Бога (СЖ, 1907, № 80).

Эта художественная зарисовка благодаря ярким образам, особой эмоциональности, искренности в передаче чувств позволяла читателям-сибирякам, которые в большинстве своем также не видели моря, отождествить себя с автором и пережить вместе с ним описанные эмоции. При этом Вяткин подчеркивал следование литературной традиции, «примыкал» к череде поэтов, описывающих море, не только благодаря упоминанию их имен в тексте: зарисовку предварял приведенный по памяти эпиграф из пушкинского стихотворения «К морю» («Прощай, о море! <так>¹ Не забуду / Твоей торжественной красоты...» и т. д.).

Особый эмоциональный фон, который создавался как в поэтических, так и в прозаических произведениях Вяткина, был высоко оценен современниками. Томский поэт Е. Бахарев посвятил Вяткину стихотворение «Из песен жизни», в котором следующим образом характеризовал своего «собрата по перу»:

О, зовите к прекрасному, ясному
Зачарованных скорбью людей,
Укажите пути заповедные
К блеску дальних огней <...>
Пусть звучат ваши песни красивые
Обещаньем безоблачных дней,
Пусть зовут они к радостно-ясному
Блеску дальних огней
(СЖ, 1907, № 118).

На примере работы Вяткина в газете «Сибирская жизнь» в 1907 г. можно увидеть, насколько тесно переплеталась его деятельность как поэта и прозаика, литературного критика и журналиста. В течение года на страницах газеты было опубликовано 49 материалов Вяткина, из них: 9 стихотворений, 11 рассказов, 14 театральных рецензий, один отзыв о концерте, 3 библиографических заметки

---

¹ Верно: «Прощай же, море! Не забуду...».

и 11 журналистских материалов в разных жанрах: это фельетоны, статьи на общественно-политические темы, путевые заметки, обзоры печати.

Практически все впечатления, получаемые Вяткиным, так или иначе отражались в его текстах: вот он поехал в Ялту в мае 1907 г. – в газете появляется его «отчет» о десяти днях, проведенных им в поезде («С севера на юг. Впечатления сибиряка» (СЖ, 1907, № 37)); впечатления от Ялты легли в основу этюда «В парке, у моря» (СЖ, 1907, № 56), стихотворения «После бури (Из крымских мелодий)», уже упоминавшейся зарисовки «Море (Из крымских впечатлений)» (СЖ, 1907, № 89). В этом же году он поехал в Самару, о чем можно узнать из статьи «С линии Сибирской железной дороги» (СЖ, 1907, № 150) и фельетона «У вас, в Сибири» (СЖ, 1907, № 159); в Самаре же было написано стихотворение «Из новых песен» (СЖ, 1907, № 190), оно опубликовано с указанием места создания: «Самара, 1907». Таких примеров можно привести множество.

В 1910 г. он был в Москве в то время, когда Россия провожала в последний путь Л. Н. Толстого (репортаж «Толстовские дни в Москве» (СЖ, 1910, № 256)): Вяткин живо и подробно описывал поведение людей на московских улицах, собрание в университете, сцены на вокзале и свою неудачную попытку добраться до Ясной Поляны, особое экстренное заседание Общества любителей российской словесности и завершал свой материал следующими словами:

Я передал в этой статье лишь наиболее ценные и содержательные моменты толстовских дней в Москве. Я был тронут тем, что видел и слышал всю эту любовь и скорбь сердца России, и, переполненный впечатлениями, спешу поделиться ими с вами, читатель (СЖ, 1910, № 256).

Репортаж характеризовался наглядностью, динамичностью, информативностью, вызывал «эффект присутствия»: читатель «Сибирской жизни» мог глазами Вяткина увидеть происходившее в Москве, убедиться в том, что чувства сибиряков, их горе и скорбь по Толстому разделяли и столичные жители, которые так же плакали и не находили слов, как и все остальные.

Произведения Вяткина, написанные в «томский период» его жизни и творчества, публиковались не только в томской периодике, но и в столичных изданиях, таких как, например, Санкт-Петербургский журнал «Сибирские вопросы». Журнал был официальным изданием Сибирской парламентской группы и соответствовал задачам этого политического движения, отстаивая интересы Сибири.

В 1906 г. в «Сибирских вопросах» Вяткин опубликовал два очерка: «На nive народной. Из записок сибирского учителя» (СВ, 1906, № 3) и «Глухаревцы. Из очерков сибирской деревни» (СВ, 1906, № 4). Они посвящены описанию двух сибирских деревень с говорящими названиями – Угрюмовка и Глухаревка, по-видимому, вымышленными. Тем не менее, очерки основаны на реальном жизненном опыте публициста, который действительно работал в юности учителем в сибирской деревне, хорошо знал народный быт.

В первом произведении автор описывал угрюмую реальность сельского быта конца XIX в.: «Деревня тонула во мраке, заливались диким лаем псы, и где-то назойливо звенела визгливая, пьяная бабья песня». Дома здесь – «маленькие, ветхие, с полусгнившими заборами и разваливающимися воротами»; неблагополучными выглядят и местные жители, которые «страдали от недорода и болели лихорадками (СВ, 1906, № 3). Вдобавок к этому герой очерка обнаружил, что воспитание детей в сельской школе основано на телесных наказаниях, а попытки

изменить эту традицию вызывают раздражение у местных – сельчане собрались избить учителя, и это стало причиной его поспешного отъезда.

Второй очерк был более оптимистичен: в нем автор обратил внимание на возрастающее самосознание деревенских жителей, и этот процесс он связал с активизацией политической жизни всей страны в период Русско-японской войны и последовавшей затем Первой русской революции.

Первая часть очерка приходится на период Русско-японской войны (1904–1905). Далекая война коснулась сельчан напрямую: мужчины воевали на фронтах, и единственным источником новостей о войне являлись газеты. Вяткин подчеркивал возросшую потребность в информации на примере своей соседки Дарьи, которая искала в газетах ответ на простой вопрос: вернется ли ее муж домой с войны? «Чудно, непонятно... как вот в газетах-то пишут... Не для нашего брата... так ничего не узнаешь – не сведаетшь» (СВ, 1906, № 4).

Второй раз в Глухаревку автор приехал спустя два года, в период, когда начала свою работу I Государственная Дума. Глухаревцы теперь заинтересованы в политической информации, они обсуждают брошюру о Государственной Думе, ведут дискуссии, которые не может прекратить даже приехавший становой: после его угроз «пропаганда» переместилась в поля и дома сельчан, подальше от посторонних глаз. Однако одного этого интереса было недостаточно, для того чтобы Сибирь активно включилась в процесс самоуправления, и причиной этого Вяткин считал отсутствие в Сибири выборных органов самоуправления – земств:

Сибирь не знала земства, ее опекуны и администраторы не вызывали ни в ком доверия, и назревавшие в массе проклятые вопросы о воле и правде оставались неразрешенными, давили своей тяжестью... (СВ, 1906, № 4).

Эта постановка вопроса отвечала редакционной политике «Сибирских вопросов», которые издавались Сибирской парламентской группой. И журнал, и Вяткин демонстрировали таким образом свою заинтересованность в повышении политической грамотности сибиряков.

Анализ «томского периода» творчества Г. А. Вяткина дает представление о его росте, освоении разных сфер литературы и публицистики, расширении спектра методов и приемов. Работа в периодических изданиях Томска – и прежде всего в газете «Сибирская жизнь» – позволила Вяткину «примерить на себя» роли рецензента, репортера, фельетониста (о фельетонном творчестве см. подробнее [Жилиякова, 2020]), публициста, обозревателя – и одновременно поэта и беллетриста. Не случайно именно стихотворения, опубликованные в газетах и журналах, составили первые три сборника стихотворений Вяткина.

Сочетание журналистской и литературной деятельности отразилось в текстах Вяткина, многие из которых были откликами на происходящие события в личной жизни автора, в общественно-политической обстановке России, Сибири, – эта линия затем проявилась в деятельности Вяткина его «омского периода», во время правления Колчака.

Вяткина одинаково занимали и социальные процессы, и внутренняя, душевная жизнь его героев. Несмотря на то что Вяткин нередко изображал людей, попавших в тяжелые жизненные ситуации, его произведения были полны жизнеутверждающего пафоса, проникнуты особым эмоциональным настроением. Будучи убежденным сторонником реализма, Вяткин, тем не менее, испытывал интерес к русскому модернизму, о чем свидетельствовали и его литературно-критические работы, и эксперименты с формой в собственных авторских произведениях.

Хорошо известно, что Вяткина высоко ценили его современники, причем не только сибиряки, но и крупные русские писатели: многие исследователи упоминают о том, что М. Горький писал о нем: «Вот Вяткин у вас поэт! Читаю его стихи, и так хорошо на душе. Очень родные стихи» (цит. по: [Пятая стихия бытия..., 2013, с. 39]). Поэтому не подлежит сомнению, что исследование его творчества – и его возвращение к читателю – еще только начинается.

Список литературы

- Бурлешин А. В.* «Мы встретимся снова. я верю...»: рец. на кн.: Вяткин Г. А. Собр. соч.: В 5 т. Омск, 2005–2006 // Новое литературное обозрение. 2007. № 87. С. 414–435.
- Вяткин Георгий Андреевич // Энциклопедия Омской области. Омск, 2010. Т. 1. С. 223–224.
- Вяткин Г.* Стихотворения. Томск, 1907. 72 с.
- Вяткин Г. А.* Грезы Севера. 2-е изд. Томск, 1909. 85 с.
- Вяткин Г. А.* Под северным солнцем. 3-е изд. Томск, 1912. 92 с.
- Горенинцева В. Н.* «Excelsior!» Г. Лонгфелло в переводе Г. Вяткина: стратегия переводческой адаптации // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2010. № 3. С. 35–38.
- Жилякова Н. В.* «Обличать, колоть и жалить». Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 388 с.
- Зубарев А. Е.* Вяткин Георгий Андреевич // Энциклопедия города Омска. Омск, 2011. Т. 3, кн. 1. С. 238–239.
- Капинос Е. В., Лоцилов И. Е.* Кнут Гамсун в Сибири // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 315–336.
- Колесникова Р. И.* Вяткин Георгий Андреевич // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 65–66.
- Петрова Е. И.* Поэма С. Есенина «Пугачев» и «Сказ о Ермаковом походе» Г. Вяткина в оценке современников // Вестник Ом. ун-та. 1999. № 3. С. 90–92.
- Посадсков А. Л.* Вяткин Георгий Андреевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 362.
- Пятая стихия бытия: 50 лет Томской писательской организации. Томск, 2013. С. 39–40.
- Сердюк В.* Влюбленный в жизнь, я вновь воспламеню... Вяткин Г. Книга настроений. Томск, 1991. 222 с.
- Серягина Ю. С. Г. А. Вяткин как переводчик поэзии Г. Гейне // Традиция и новация: культура, общество, личность: Материалы XXVI Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск, 2017. С. 73–78.*
- Спиридонова Г. С.* Особенности пейзажа в стихотворении Г. Вяткина «Бобырган» // Язык и социальная динамика. 2014. № 14-1. С. 223–227.
- Трушкин В. П.* Вяткин Георгий Андреевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 506–507.
- Цырульникова М. А.* Ретрансляция идеи пути в контексте Серебряного века (Г. Вяткин) // Культура и текст. 1997. № 2. С. 98.
- Шишкин В. И.* Поэт и власть: Г. А. Вяткин в годы Гражданской войны // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, № 2. С. 56–68.

Яковенко А. В. Г. А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX в. и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестник Ом. ун-та. 2007. № 2. С. 86–90.

Список источников

СЖ – Сибирская жизнь. Газета. Томск. 1900–1916.
СВ – Сибирские вопросы. Журнал. Санкт-Петербург. 1906.
Сибирский наблюдатель. Журнал. Томск. 1902, 1903.

References

- Burleshin A. V. “My vstretimsya snova. ya veryu...”: rets. na kn.: Vyatkin G. A. *Sobr. soch.*: V 5 t. Omsk, 2005–2006 [“We will meet again. I believe ...”: a book review: Vyatkin G. A. *Collected works*: in 5 vols. Omsk, 2005–2006]. *New Literary Observer*. 2007, no. 87, pp. 414–435.
- Gorenintseva V. N. “Excelsior!” G. Longfello v perevode G. Vyatkina: strategiya perevodcheskoy adaptatsii [“Excelsior!” by G. Longfellow trans. by G. Vyatkin: the strategy of translation adaptation] *Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art criticism. Philological sciences*. 2010, no. 3, pp. 35–38.
- Kapinos E. V., Loshchilov I. E. Knut Gamsun v Sibiri [Knut Hamsun in Siberia]. *Critique and Semiotics*. 2020, no. 2, pp. 315–336.
- Kolesnikova R. I. Vyatkin Georgiy Andreevich. In: *Tomsk ot A do Ya: kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: a brief encyclopedia of the city]. Tomsk, 2004, pp. 65–66.
- Petrova E. I. Poema S. Esenina “Pugachev” i “Skaz o Ermakovom pokhode” G. Vyatkina v otsenke sovremennikov [The poem of S. Yesenin’s “Pugachev” and “The Tale of Ermakov’s Campaign” by G. Vyatkin in the assessment of contemporaries]. *Herald of Omsk University*. 1999, no. 3, pp. 90–92.
- Posadskov A. L. Vyatkin Georgiy Andreevich. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [The Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2010, vol. 1, p. 362.
- Pyataya stikhiya bytiya: 50 let Tomskoy pisatel’skoy organizatsii* [The fifth element of existence: 50 years of the Tomsk writers’ organization]. Tomsk, 2013, pp. 39–40.
- Serdyuk V. Vlyublennyy v zhizn’, ya vnov’ vosplameneyu... [In love with life, I will fire up again]. In: Vyatkin G. *Kniga nastroyeniy* [The book of moods]. Tomsk, 1991, 222 p.
- Seryagina Yu. S. G. A. Vyatkin kak perevodchik poezii G. Geyne [G. A. Vyatkin as a translator of G. Heine’s poetry]. In: *Traditsiya i novatsiya: kul’tura, obshchestvo, lichnost’: Materialy 26 Dukhovno-istoricheskikh chteniy pam. svyatykh ravnoapostol’nykh Kirilla i Mefodiya* [Tradition and Innovation: Culture, Society, personality: Materials of the 26th Ecclesiastical and Historical Readings in Memory of Saints Cyril and Methodius Equal to the Apostles]. Tomsk, 2017, pp. 73–78.
- Shishkin V. I. Poet i vlast’: G. A. Vyatkin v gody grazhdanskoy voyny [The poet and the power: G. A. Vyatkin during the Civil War]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: “History and Philology”*. 2003, vol. 2, no. 2, pp. 56–68.
- Spiridonova G. S. Osobennosti peyzazha v stikhotvorenii G. Vyatkina “Bobyrgan” [Features of the landscape in G. Vyatkin’s poem “Bobyrgan”]. *Yazyk i sotsial’naya dinamika*. 2014, no. 14–1, pp. 223–227.

Trushkin V. P. Vyatkin Georgiy Andreevich. In: *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [The Russian writers. 1800–1917. The biographical dictionary]. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 506–507.

Tsyruľnikova M. A. Retranslyatsiya idei puti v kontekste Serebryanogo veka (G. Vyatkin) [Relaying the idea of the Way in the context of the Silver Age (G. Vyatkin)]. *Culture and text*. 1997, no. 2, p. 98.

Vyatkin Georgiy Andreevich. In: *Entsiklopediya Omskoy oblasti* [The Encyclopedia of the Omsk region]. Omsk, 2010, vol. 1, pp. 223–224.

Vyatkin G. A. *Grezy Severa* [Dreams of the North]. 2nd ed. Tomsk, 1909, 85 p.

Vyatkin G. A. *Pod severnym solntsem* [Under the northern Sun]. 3rd ed. Tomsk, 1912, 92 p.

Vyatkin G. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Tomsk, 1907, 72 p.

Yakovenko A. V. G. A. Vyatkin kak retsenzent sibirskikh izdaniy nachala 20 v. i issledovatel' kul'tury chteniya v Sibiri [G. A. Vyatkin as a reviewer of Siberian publications of the early 20th century and a researcher of the culture of reading in Siberia]. *Herald of Omsk University*. 2007, no. 2, pp. 86–90.

Zhilyakova N. V. "Oblichat', kolot' i zhalit'". *Satiricheskaya zhurnalistika Tomskaya kontsa 19 – nachala 20 veka* ["To denounce, to stab and to sting." Satirical journalism of Tomsk of the end of the 19th – beginning of the 20th century]. Tomsk, 2020, 388 p.

Zubarev A. E. Vyatkin Georgiy Andreevich. In: *Entsiklopediya Omskoy oblasti* [The Encyclopedia of the Omsk region]. Omsk, 2011, vol. 3, pt. 1, pp. 238–239.

List of sources

Sibirskaya zhizn'. Gazeta [Siberian life. Newspaper]. Tomsk, 1900–1916.

Sibirskie voprosy. Zhurnal [Siberian issues. Journal]. St. Petersburg, 1906.

Sibirskiy nablyudatel'. Zhurnal [Siberian observer. Journal]. Tomsk, 1902, 1903.

Информация об авторах

Наталья Вениаминовна Жилиякова, доктор филологических наук

Ирина Васильевна Герасимчук, аспирант

Information about the authors

Natalia V. Zhilyakova, Doctor of Philology

Irina V. Gerasimchuk, Post-Graduate Student

Статья поступила в редакцию 08.11.2021;

одобрена после рецензирования 08.01.2022; принята к публикации 08.01.2022

The article was submitted 08.11.2021;

approved after reviewing 08.01.2022; accepted for publication 08.01.2022